

СТИЛЬ «ПЛЕТЕНИЕ СЛОВЕС» В «ЖИТИИ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО» ЕПИФАНИЯ ПРЕМУДРОГО

Кожурина Т. А. (Учреждение образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова», кафедра общего и славянского языкознания)

Аннотация. В исследуемом памятнике письменности конца XIV – начала XV в. «Житие Сергия Радонежского» прослеживается тенденция развития экспрессивно-эмоционального панегирического стиля, обусловленная «вторым южнославянским влиянием». В статье рассматриваются стилистические особенности данного произведения.

В конце XIV – начале XV в. в письменном литературном языке произошли значительные изменения, которые в науке получили название «второго южнославянского влияния». Теоцентризм, который преобладал в литературе более раннего периода, постепенно начинает уступать место антропоцентризму. Язык изложения становится более эмоциональным и экспрессивным. Именно внутренние переживания человека стали новой ценностной ориентацией древнерусской литературы. Манера письма – «плетение словес» – продолжает традиции античных риторик, относящихся к византийскому периоду развития греческой книжной культуры.

Наиболее ярко стиль «плетения словес» представлен в творчестве выдающегося агиографа Епифания Премудрого.

В «Житии Сергия Радонежского» автор «реконструирует» образ святого, нанизывая, «вплетая» множество характеристик и стремясь тем самым показать в этом образе «подобие» Христа. При «плетении

словес» подобие создается посредством искусного подбора и нагромождения характеристик. Содержание произведения характеризуется такими чертами, как обобщение, абстрагирование, мистификация описываемой действительности.

Основным стилистическим приемом в Житии является прием амплификации [3, с. 51], включающий в себя нагнетание синонимов, метафорических эпитетов и сравнений, многочисленных повторов на разных уровнях организации текстов, что тесным образом связано с ритмическим принципом организации речи, заимствованным из Псалтыри [5, с. 110].

Характерным признаком языка исследуемого памятника письменности являются повторы: повторение слов с одинаковым корнем, тавтологические сочетания, типичные для «плетения словес» («*виде видѣние*», «*дръзновениемъ дръзну*», «*начальное начальство*», «*оружникъ въоружень*» и т. д.), сопоставление, противопоставление, благозвучие, особая музыкальность («... что хочещи обрасти на мѣсте сем... въ лѣсѣ сѣмъ сѣдя?»), «... с великомъ прилежаньемъ, и съ желаниемъ и съ слъзами молящеся Богу»); повторение префикса «раз» («*раздробляя и растесая разношаше на поляна разсѣкаа*). Семантический повтор выражается в повторе слов, которые имеют одинаковые семы. В этом проявляется и такой излюбленный прием Епифания, как «нанизывание синонимов»: «... того уединение, и дръзновение, и стенание, прошение и всегдашнее моление... слезы теплыя, плаkania душевнаа, молитвы непрестаннаа, стояннн седальнаа...» [1, с. 313]. Широко распространен в анализируемом тексте корневой повтор: «... Бог наш великодатель, и благых податель, и богатых даров Дародавец» [1, с. 290]; «... вѣсть бо Господь славити славящая его и благословяти благословящая его, еже и присно прославляет своя угоднику, славящая его житиемъ чистымъ, и богоугоднымъ, и добродѣтельнымъ [1, с. 7]. Синтаксический повтор автор реализует в виде повтора синтаксических конструкций одной структуры или их частей – длинные (в основном, сложносочиненные или содержащие однородные члены) предложения с постановкой главного слова на последнем месте: «... пребыхъ убо неколико лет ... недоумениемъ погружаяся, и печалию оскръбяся, и умомъ удивляяся, и желаниемъ побеждаася» [1, с. 286].

Широко в исследуемом тексте используется цитация. Цитаты из Евангелия не повторяют предыдущее содержание, актуализируют новый смысл. «Можно сказать, что основная мысль писателя как бы конкретизируется различными цитатами. Такого рода чередование близких по смыслу цитат перекликается с явлением стилистической симметрии...» [3, с. 76]. Епифаний активно использует цитаты из священного Писания: «... но слыши Святое глаголетъ писание: “Никтоже да не похвалитъся въ человецѣхъ, никтоже чистъ предъ Богомъ, аще и единъ день живота его будет, и никтоже есть безъ грѣха, токмо единъ Богъ безъ грѣха”. Нѣси ли божественаго слышала Давида, мню, яко о нашей худости глаголюща: “Се бо въ безаконии зачатъ есмь, и въ гресѣхъ роди мя мати моя” [1, с. 26].

Важную роль в данном произведении играют синонимы, которые служат для усиления основного значения, а также для выражения полноты характеристики. Для «Жития Сергия Радонежского» данную черту стиля можно считать определяющей, так как именно нанизывание синонимических и несинонимических сочетаний в тексте жития играет главную роль, в частности, эту роль исполняет триада, которая может сочетать конкретные и отвлеченные слова в едином микроконтексте и вести повествование, несмотря на то, что по смыслу эти лексемы несводимы в обычной речи. Таким образом, в триаде значения слов переосмысляются, возникает их новое значение и новый смысл: *сила – власть – господство* и *святыня – образы – собьствы* [1, с. 19].

Для исследуемого текста характерно наличие искусственно созданных Епифанием слов: *скоровычание*, *быстрость*, *доброразумичен*. Создание неологизмов было необходимо писателям, с одной стороны, из-за отсутствия у таких лексических образований бытовых ассоциаций, что должно было подчеркивать значительность, «духовность» и «невыразимость» описываемого явления. С другой стороны, поскольку они по большей части были составлены по типу греческих, то придавали речи «ученый» характер: «*зломудрецъ*» и «*злоначинатель*» [1, с. 54], «*нищекрѣмне*» [1, с. 37], «*благолиственно*» [1, с. 21] и т. д.; также могли в сжатом виде удерживать цитату, отсылку к библейскому тексту: «... тричисленное же слышание Исая-пророку *серафомовицу*... – данный неологизм – реминисценция к святому писанию, когда библейский пророк Исая в своем видении лицезрел Бога, окруженного серафимами. Как отмечает Д.С. Лихачев, неологизмы XIV–XV вв. абсолютно не означают стремление писателей этого времени к новизне выражений, они не воспринимаются как нечто новое в языке, скорее, как выражения ученые, усложненные и «возвышенные» [4, с. 378].

Таким образом, Епифаний Премудрый, выдающийся мастер новой манеры повествования и автор термина «извитие словес», в «Житии Сергия Радонежского» использовал множество тропов, сравнений, синонимов, повторений, что ярко представляло стиль «плетения словес». Тексты Епифания Премудрого оказывали заметное влияние на развитие литературного языка вплоть до конца XVIII в., поэтому заслуживают подробного лингвистического анализа.

Литература

1. Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. / РАН ИРЛИ; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. – СПб.: Наука, 1999. – Т. 6: XIV – середина XV века. – 583 с.
2. Коновалова, О. Ф. Панегирический стиль русской литературы конца XIV – начала XV веков (на материале Жития Коновалова Стефана Пермского, написанного Епифанием Премудрым): дис. ... канд. филол. наук / О. Ф. Коновалова. – Л., 1970. – 425 с.
3. Литературный энциклопедический словарь / под общей ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева; редкол.: Л. Г. Андреев, Н. И. Балашов, А. Г. Бочаров [и др.]. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.
4. Лихачев, Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. – 3-е изд. – М.: Наука, 1979 – 360 с.
5. Митина, Ю. В. Лексика с религиозной семантикой и ее стилистические функции в житийных памятниках XV века: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ю. В. Митина; МПГУ. – М., 2007. – 238 с.